

ЦИЦЕРОН

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

ЦИЦЕРОН

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 808.5
ББК 83.7
Ц75

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с латыни

Ф. Петровского («Об ораторе»), *М. Гаспарова* («Оратор»)

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Цицерон.

Ц75 Об ораторском искусстве : [трактаты] / Цицерон ; [перевод с латыни Ф. Петровского, М. Гаспарова]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 512 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-117003-5

В этот сборник вошли два трактата Цицерона, посвященные риторике, — «Об ораторе» и «Оратор». В философии Цицерона, близкой к стоической, сама идея ораторского искусства неразрывно связана с личностными и гражданскими качествами идеального оратора — «истинного римлянина», мужественного, непреклонного перед лицом опасности и превыше всего ставящего республиканские добродетели. Что же касается формы этих произведений, то уже современники признавали ее безукоризненное совершенство, а в последующие времена Цицерон считался (и до сих пор считается) лучшим стилистом древнеримской литературы.

УДК 808.5
ББК 83.7

ISBN 978-5-17-117003-5

© Перевод. Ф. Петровский, наследники, 2019
© Перевод. М. Гаспаров, наследники, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Предисловие

Перевод двух трактатов, вошедших в эту книгу, сделан по следующим изданиям:

1) *De oratore: M. Tullii Ciceronis scripta...* p. 1, v. 2, rec. Gul. Friedrich. Lps., 1891;

2) *Orator: M. Tullii Ciceronis Orator als Ersatz der Ausgabe v. O. Jahn erkl. v. W. Kroll.* B., 1913.

Для комментария были использованы издания: «Об ораторе» — К. В. Пидерита, Ф. Т. Адлера, О. Харнекера (1886), Г. Зорофа (1875), С. А. Уилкинса (1892), Э. Курбо (книга 1, 1905); «Оратор» — К. В. Пидерита (1876) и указанное издание В. Кролля.

Из всех произведений Цицерона его сочинения об ораторском искусстве едва ли не более всего требуют в настоящее время нового научного издания. Причина этого — в состоянии рукописного предания этой группы сочинений Цицерона. Трактаты об ораторском искусстве дошли до нас в двух рукописных изводах — «неполном» и «полном». Там, где текст этих изводов совпадает, мы можем с достаточной уверенностью полагать, что он соответствует цицероновскому оригиналу. Но там, где он не совпадает, издатели не имеют никаких объективных оснований предпочесть вариант одного извода варианту другого, и им приходится оперировать доводами «от смысла», всегда оспоримыми.

К счастью, расхождения такого рода обычно касаются несущественных мелочей и подчас даже не сказываются на переводе.

Происхождение двух изводов Цицероновского текста таково. С падением античной культуры три трактата Цицерона теряют популярность. Если «Риторика к Гереннию» и юношеское Цицероново сочинение «О нахождении» усиленно переписываются как учебники риторики, то «Об ораторе» и «Оратор» выживают в едва ли не единственной рукописи со многими утраченными листами. Когда минует полоса «темных веков» раннего Средневековья и уцелевшие памятники античной литературы вновь начнут переписываться по европейским монастырям, эта дефектная рукопись трактатов «Об ораторе» и «Оратор» станет источником целого семейства списков; все они имеют общую черту — пропуски (порой очень большие, по половине книги и более) на тех местах, где в архетипе были потеряны листы. Это и есть «неполный извод»; архетип его давно погиб, но текст его отчасти поддается реконструкции по старейшим и лучшим спискам — «Авраншскому», «Гарлеянскому», «Эрлангенскому» (IX—X вв.) и др.

В XIV — начале XV в. эпоха Возрождения резко оживила интерес к риторическим трактатам Цицерона. Сохранившиеся рукописи «Об ораторе» и «Оратор» переписываются все чаще, и досада на их неполноту прорывается все сильнее. Дело доходит до того, что около 1420 г. миланский профессор Гаспарино Барцицца, лучший тогдашний специалист по Цицероновской риторике, взялся за рискованный труд: собрался заполнить пробелы «неполного извода» собственными дополнениями для связности. Но не успел он за-

кончить свою работу, как совершилось чудо: в глухом итальянском городке Лоди была найдена заброшенная рукопись с полным текстом всех риторических сочинений Цицерона — «старой риторики» («Риторики к Гереннию»), «новой риторики» («О нахождении»), «Об ораторе», «Брута» (до этого вовсе неизвестного) и «Оратора». Барцицца и его ученики набрасываются на новую находку, расшифровывают с трудом ее старинный (вероятно, VIII в.) шрифт и изготавливают наконец удобочитаемую копию. С этой копии снимаются списки, с них новые списки, и в своей совокупности они составляют «полный извод» цicerоновского текста; во главе его стоят рукописи «Флорентийская Мальябекки», ватиканская «Оттобонианская» (единственная, включающая все три трактата подряд) и «Палатинская» — все три относятся к 1422—1425 гг. А между тем происходит непоправимое: архетип этого извода, Лодийская рукопись, оказывается заброшенной, никому не хочется биться над ее трудным текстом, ее отсылают за ненадобностью обратно в Лоди, и там она пропадает без вести: начиная с 1428 г. о ее судьбе ничего не известно. Европейские филологи не перестают оплакивать эту потерю до наших дней.

Рукописи множились, наряду со списками «неполного» и «полного» изводов появлялись списки смешанные, вносившие в один извод поправки по другому. С изобретением книгопечатания рукописи сменяются печатными изданиями: около 1465 г. в Субиако выходит первое печатное издание трактата «Об ораторе», в 1469 г. в Риме выходит первое печатное издание всех трех трактатов вместе. В течение нескольких столетий основой для этих изданий брались рукописи «полного извода» как наиболее связные и удобные.

Лишь в 1830-х годах швейцарский филолог Я. Орелли, работая над переизданием всех сочинений Цицерона, обратил внимание на то, что старые рукописи «неполного извода» часто дают более приемлемые чтения, чем рукописи «полного извода». С этих пор начинается постепенная реабилитация рукописей «неполного извода» во главе с Авраншской; постепенно устанавливается общепринятое чтение там, где текст двух изводов дает расхождения; но значительная часть различий до сих пор остается спорной.

Во всех научных изданиях сочинений Цицерона для облегчения ссылок принята двойная система сквозной рубрикации текста: по главам и по параграфам. В этом издании номера глав отмечены полужирными числами внутри текста, номера параграфов — числами в круглых скобках внутри текста. В ссылках на трактат «Об ораторе» дается римская цифра, обозначающая книгу, и номер параграфа; в ссылках на «Оратора» — буква О и номер параграфа*. Подзаголовки, напечатанные полужирным шрифтом в начале абзацев, Цицерону не принадлежат и введены в наше издание только для облегчения ориентировки читателя в сложном цicerоновском тексте.

В нижеследующих комментариях числа в начале каждого примечания указывают номер параграфа, к которому относится примечание.

М.Л. Гаспаров

* Также в примечаниях встречаются ссылки на трактат «Брут, или О знаменитых ораторах», печатавшийся в издании: «Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве». Под редакцией М. Л. Гаспарова. Москва, Издательство «Наука», 1972 — и не вошедший в данную книгу. В ссылках на трактат «Брут...» дается буква Б и номер параграфа. — *Примеч. ред.*

ОБ ОРАТОРЕ *

* Перевод Ф. А. Петровского, комментарии М. Л. Гаспарова.

Квинту Цицерону

КНИГА 1

[Вступление.] 1. (1) Когда я размышляю о старине, брат мой Квинт, и воскрешаю ее в памяти, что случается нередко, мне всегда блаженными кажутся те, кто жил в лучшие времена республики, кто блистал и почестями, и славой подвигов и кто мог пройти жизненное поприще так, чтобы на государственной службе не знать опасностей, а на покое сохранять достоинство. Так, было время, когда я думал, что и мне по справедливости и по общему признанию можно будет предаться отдыху и обратиться к любимым нами обоими славным наукам, если по преклонности лет и по завершении всего ряда должностей всем моим бесконечным заботам на форуме и хлопотам о почестях придет конец. (2) Но эту надежду, на которую обращены были мои помыслы и намерения, обманули как тяжелые общественные бедствия, так и превратности собственной моей судьбы. В то самое время, когда, казалось, можно было особенно рассчитывать на покой и безмятежность, вдруг грянули грозы, взбушевались бури, — и вот, несмотря на все мое желание и ожидание, я так и не мог насладиться досугом, заняться усидчиво теми науками, которым мы были преданы с детства, и снова возделывать их нашими общими усилиями. (3) Юность моя совпала

как раз с потрясением прежнего порядка вещей, консульство поставило меня среди самого разгара решительной борьбы за существование государства, а все время после консульства до сих пор я противостояю тому погибельному потоку, который мне удалось отвести от общества, чтобы обрушить на мою собственную голову.

И все ж, несмотря на весь гнет обстоятельств и на недостаток времени, я последую своему влечению к науке, и тот досуг, который мне оставят козни врагов или тяжбы друзей или дела государства, отдам преимущественно литературной деятельности. (4) Тебе же, брат мой, уж конечно, не будет у меня отказа, обратишься ли ты ко мне с советом или с просьбой, потому что ничьему авторитету и ничьим желаниям я не покоряюсь охотнее, чем твоим. **2.** В данном случае я считаю нужным возвратиться к воспоминанию об одном давнем происшествии: правда, оно не вполне сохранилось в моей памяти, но думаю, что оно лучше всего ответит на твой вопрос: ты узнаешь, как смотрели на всю теорию красноречия те, которым не было равных и в речах, и в славе. (5) Ты не раз говорил мне, что сочинение, которое когда-то в дни моего отрочества или нежной юности вышло из моих школьных записок, было незаконченным и незрелым, что оно уже недостойно моих лет и моей опытности, почерпнутой из стольких важных дел, которые мне приходилось вести, и что я должен издать об этом предмете что-нибудь более обработанное и совершенное. Кроме того, при наших рассуждениях ты нередко расходишься со мной во мнениях: я полагаю, что красноречием можно овладеть, лишь сравнив-

шись в знаниях с образованнейшими людьми, тогда как ты совершенно отделяешь его от основательности знаний и видишь в нем только плод известной природной способности и упражнения.

[Отчего так мало выдающихся ораторов.] (6) Я неоднократно присматривался к людям необыкновенным и одаренным необыкновенными способностями, и это навело меня на такой вопрос: почему среди всех наук и искусств красноречие выдвинуло меньше всего замечательных представителей? В самом деле, в какую сторону ни обратишь свое внимание и мысли, увидишь множество людей, отличившихся в любой отрасли знаний, и знаний не мелких, а, можно сказать, наиважнейших. (7) Если судить о знаменитых людях с точки зрения пользы или величия их деяний, то кто не поставит, например, полководца выше оратора? А между тем всякий согласится, что в одном нашем государстве мы можем указать превосходнейших военачальников чуть не бесчисленное множество, а выдающихся ораторов — едва несколько человек. (8) Даже таких людей, которые своими мудрыми решениями способны вести и направлять государство, достаточно много выступило в наши дни, еще больше — на памяти наших отцов, и тем более — на памяти предков, тогда как хороших ораторов очень долго не было вовсе, а сносных — едва найдется по одному на каждое поколение. При этом не следует думать, что искусство красноречия уместнее сопоставлять с такими научными занятиями, которые требуют отвлеченного мышления и широкой начитанности, нежели с воинскими достоинствами полководца или рассудительностью хорошего сенатора: достаточно

лишь посмотреть на такие науки, чтобы увидеть, как много ученых стяжало ими себе известность, и чтобы понять, как мало ораторов и в наши дни, да и во все времена.

3. (9) Например, ты знаешь, что та наука, которую греки зовут философией, признается лучшими учеными за прародительницу и как бы мать всех упомянутых наук; и тем не менее трудно даже пересчитать, сколько людей, с какими знаниями, с какой разносторонностью и полнотою интересов подвизались на поприще этой науки, и не только в какой-нибудь отдельной ее области, но даже, насколько это возможно, в полном ее составе, как исследуя ее содержание, так и систематически его излагая. (10) А так называемые математики? Кому не известно, как труден для понимания их предмет, как отвлеченна, многосложна и тонка их наука? Однако же и здесь явилось столько знатоков своего дела, что, по-видимому, едва ли не всякий, хорошенько поработав над предметом, вполне достигал своей цели. А музыка? А изучение словесности, которым занялись так называемые грамматики? Кто, предавшись этим предметам со всем усердием, не узнал и не изучил их во всем их беспредельном объеме и содержании? (11) Пожалуй, если я не ошибаюсь, изо всех тех, кто посвятил свои силы этим благородным искусствам и наукам, всего меньше вышло замечательных поэтов. Но если даже на этом поприще, на котором блестящие дарования являются очень редко, тебе вздумается ради сравнения выбрать лучших как между нашими соотечественниками, так и между греками, то все-таки хороших ораторов найдется гораздо меньше, чем хо-

роших поэтов. (12) Это должно казаться тем более удивительным, что в остальных науках и искусствах познания обыкновенно черпаются из отвлеченных и трудно доступных источников, в красноречии же общие основы находятся у всех на виду, доступны всем и не выходят за пределы повседневных дел и разговоров; потому-то в других науках более ценится то, что менее доступно пониманию и представлениям непосвященных, в красноречии же, напротив, нет порока больше, чем уклонение от обыкновенного склада речи и от общепринятых понятий. 4. (13) Несправедливо было бы также сказать, будто прочие науки больше привлекают к себе людей или будто изучение их сопряжено с большим наслаждением или с обширнейшими надеждами и со значительнейшим вознаграждением. Я уж не буду говорить о Греции, которая всегда стремилась быть первой в красноречии, и о пресловутом отечестве всех наук, Афинах, где ораторское искусство было и открыто, и доведено до совершенства; но ведь и в нашем отечестве, уж конечно, ничего никогда не изучали усерднее, нежели красноречие. (14) В самом деле, по установлении всемирного нашего владычества, когда продолжительный мир окончательно обеспечил досуг, едва ли был хоть один честолюбивый юноша, который бы не стремился постигнуть во что бы то ни стало искусство оратора. При этом сначала, чуждые всяких теоретических познаний, не подозревая существования никаких методов в упражнении и никаких правил в науке, они доходили только до той степени, которой могли достигнуть одним своим умом и своими силами. Но впоследствии, послушав греческих ораторов, позна-

комившись с их сочинениями да прибегнув к помощи преподавателей, наши земляки возгорелись просто невероятным усердием к красноречию. (15) Этому содействовали значительность, разнообразие и множество всевозможных судебных дел, вследствие чего к познаниям, какие каждый приобрел своим личным прилежанием, присоединялось частое упражнение, которое важнее наставлений всяких учителей. А сулил этот род занятий те же награды, что и теперь, — и популярность, и влияние, и уважение. Что же касается природных дарований, то уж в этом отношении наши земляки, как мы можем заключить по многим примерам, далеко превзошли всех прочих людей какого угодно происхождения. (16) Сообразив все эти обстоятельства, разве мы не вправе дивиться, что во всей истории поколений, эпох, государств мы находим такое незначительное число ораторов?

[Трудность красноречия.] Но это объясняется тем, что красноречие есть нечто такое, что дается труднее, чем это кажется, и рождается из очень многих знаний и стараний. 5. И точно, при взгляде на великое множество учащихся, необыкновенное обилие учителей, высокую даровитость народа, бесконечное разнообразие тяжб, почетные и щедрые награды, ожидающие красноречия, какую можно предположить другую причину этого явления, кроме как невероятную обширность и трудность самого предмета? (17) В самом деле, ведь здесь необходимо усвоить себе самые разнообразные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только отбором, но и расположением слов; и все движения души, которыми